

**КАЗАХСКАЯ КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ
ТРАДИЦИОННЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЕВРАЗИИ****Вместо в ведении. Новые независимые государства и поиск идентичности**

До середины XX в. притязания национальных государств на культурный традиционный суверенитет казались и резонными, и реализуемыми. Государство было в состоянии продемонстрировать, что оно хозяин в собственном доме. Оно довольно успешно контролировало процесс производства и циркуляции значений на своей территории. Притязания на культурный суверенитет, выдвигаемые постсоветскими государствами, вызывают разные реакции. Многие находят эти притязания безосновательными. При этом обычно отмечают скромные ресурсы, находящиеся в распоряжении новых претендентов на суверенитет. Культурное наследие и культурные символы, которые элиты постсоветских государств хотели бы использовать как национальные, на поверку оказываются частью более широкого цивилизационного ареала. Тем не менее, при всей кажущейся иррациональности подобных усилий, они вполне рациональны. Во-первых, современная мировая политическая система устроена как система государств. Государства рассматриваются как суверенные единицы - как средоточия власти, или «властные вместилища». Власть культурная здесь подразумевается так же, как военно-политическая и экономическая. Поэтому позиционирование себя в качестве (гомогенной) нации - вполне оправданная стратегия для государств. Она дает им шанс улучшить свои позиции в глобальной конкуренции. Либо вы представляете собой автономное культурно-политическое целое и заставляете считаться с собой как с таким целым, либо на вас смотрят как на не-вполне-государство. Во-вторых, в этих усилиях просматривается стремление к самоутверждению и, если угодно, реваншу. Добавим сюда необычайную популярность, которую приобрел начиная с 1970-х гг. дискурс «постколониализма». Иными словами, выдвигая притязания на восстановление поруганной аутентичности, постсоветские государства всего лишь играют по тем правилам, которые задаются «глобальным сообществом». Их национализм есть не что иное, как подчинение транснациональным политическим императивам.

В эпоху триумфа национализма оппозиция местного и национального выглядела как оппозиция партикулярного и универсального. Локальное (местное, региональное) противостояло национальному как часть целому. В эпоху глобализации в положении локального (партикулярного) оказывается уже национальное [1].

Стали уже тривиальностью жалобы на то, что анонимные транснациональные силы угрожают национальному культурному своеобразию. Глобализация дает толчок как процессам унификации, так и процессам диверсификации. Она одновременно способствует и культурной стандартизации («макдональдизации»), и увеличению культурного разнообразия. Мировой культурный рынок нуждается в том, что для наций-государств всегда было головной болью, - в культурных различиях. ТНК, действующие в сфере культуриндустрии, - настоящие охотники за «аутентичностью». Стремясь удовлетворить существующий спрос на экзотизм, они ищут, находят и пестуют «культурные продукты», которые могут быть предложены покупателям как некоммерческие, альтернативные, нонконформистские и т. д. [2].

Традиции и инновации казахской культуры

В контексте вышесказанного рассмотрим соотношение автохтонного и привнесенного в культуре казахов. Ядро идентификационного поля казахов и тюрков в целом составляет Ислам. Если подняться выше марксистско-советского тезиса о том, что ислам был навязан тюркам арабами, то можно выделить следующие аспекты данной проблемы: а) ислам сыграл цивилизационную функцию в культуре тюркских народов; б) на основе ислама осуществилась расцвет культуры тюркских народов в IX–XII века, тюркская философия этого периода занимала одну из лидирующих позиций в мировом философском процессе; в) в условиях колониальных культур тюркских народов России и Китая ислам противостоял ассимиляторской политике этих империй и играл этноохранную функцию; г) через арабоязычную философию тюркские народы ознакомились с античным философским наследием. Не только ислам оказывал судьбоносное влияние на духовную культуру тюркских народов, но и в то же время тюркские неопиты способствовали раепропространению и укреплению ислама. Достаточно вспомнить в этом отношении роль Караханидского государства, империи Великих

Моголов, Ирана, Османского государства и др. в отстаивании ислама.

Тюркская культура в целом и казахи в частности внутренне едины не на основе расового признака (тюрки в основном представляют собою в этом отношении переходные формы между индоевропейской и монголоидными расами), культурно-хозяйственных типов (номады, земледельцы оазисов и речных долин, горажане), религиозных верований (различные направления ислама, православные, шаманисты, будийцы и т. д.), политической системы (демократические и тоталитарные режимы, автономии и зависимые народы и т. д.). Что же тогда объединяет в единую мировоззренческую систему взгляды различных тюркских этносов? На наш взгляд, это – единство языка, историческая память о героическом прошлом, этически ориентированная мирфология и фольклор, т. е. архетипы духовного опыта. В современном маргинализируемом сознании тюрка глубоко сидит неумное желание к самореализации. Не все еще высказано и сделано. Уникальность тюркской культуры заключается в органическом сочетании традиции и открытости к инновациям, номадического и оседлого опытов освещения мира, сакрального, профанного и хтонического, она характеризуется толерантностью, свободолобием, изначальностью слова и оптимизмом.

Основные мировоззренческие универсалии казахов определяются как имманентным духовным опытом народа, так и полем диалога этой культуры (тюрко-китайский, тюрко-согдийский, тюрко-арабский и тюрко-славянский синтезы). Кроме универсальных философских категорий (бытие, человек, мир, пространство, время и т.д.), в тюркской философии имеются самобытные мировоззренческие и философские универсалии («кут», «канагат», «несибе», «нысап», «обал» и «сауап», «кие», «кесир», «ел», «алеумет», «киси» т.т.). Перевод данных понятий на другие языки возможен при сохранении контекста их употреблении. Тюркская философия даже в своих наиболее исламизированных формах никогда полностью не отрывалась от своих древних корней. Например, К. А. Иасауи не случайно остается проповедником суфизма, который ментально близок к номадическому мировоззрению, в «*Диуани Хикмете*» часто встречаются доисламские персонажи (ерены, чильтены, мугани, аруахи, первопрядки и т. д.) [3]. Идея гармонии природы и человека – сквозная тема «Благодатного знания» Ж. Баласагуни. Здесь можно вспомнить и упоминание

им общетюркского культурного героя – *Али Ер Тонга* [4].

Номадический гнозис, основанный на устно-сакральном знании и не признающий за цикленного конечного, застывшего состояния, характеризуется поиском особой гармонии между человеком и миром, по сути тюркская философия диалогична и дискурсивна.

В тернарной тюркской модели мира человек выступает в качестве оси всего этого мира. Мир не отчужден от человека, он очеловечен и наделен человеческими качествами. Центральным понятием тюркской философской антропологии выступают не заимствованные термины «*адам*», «*пенде*», а «*киси*» – мера человеческого в человеке. В отличие от «человека-олени» (Ж. Баласагуни) настоящий человек является носителем истинных нравственных и социокультурных качеств и стремится постоянно быть человеком. Хотя в литературе сложился образ «родового человека» в качестве характеристикиномада, но конкретный социокультурный анализ кочевого сообщества тюркских народов опровергает эту кальку. Ценности свободы, открытости, мобильности в номадическом социуме обусловили выделение из общины следующих индивидуализированных типов: *батыр, акын, жырау, сал, сери, баксы, би* и т.д.

Несколько исторических параллелей: скифский мыслитель древности, один из «семи мудрецов мира» Анархасис, подвергая к сомнению античные представления о нравственности, противопоставляет им высокую духовность кочевников [5].

Орхоно-Енисейские письменные памятники полны предупреждения об опасности заимствования нравов и стереотипов поведения табгашей (китайцев). Легендарный Коркыт Ата ищет смысла жизни и хочет найти путь к бессмертию человека. Абай призывает быть человеком. Даже из этих кратких сентенций явно проглядывается этическая ориентированность тюркской духовности. Своеобразия традиционной этики казахов:

- синкретизм разума (истина), эстетики (красота) и этики (добро);

- широкое распространение бинарных оппозиций: жизнь и смерть, добро и зло, радость и печаль, тело и душа, сакральное и профанное, удовольствие и самоограничение и т.д.;

- философы даются в этическом обрамлении (например, 4 начала мира и человека у Ж. Баласагуни);

- укорененность в среде обитания и гармония с ней;

- понимание чести и совести как основы учения о морали (например у Шакарима);

- значимость знатности происхождения;

- совпадение нравственных и человеческих качеств;

- геронтократические приоритеты правственности;

- уважение к женщине и почитание детей;

- выделение номадических и родовых форм человеческой солидарности и согласия ;

- развитый институт гостеприимства и т. д.

Устно-поэтический дискурс носителей казахской философии и индивидуализированные формы народной мудрости по своей сути диалогичны, толғау и изречения биев выражают не только экзистенциальные состояния мыслителей, но всегда обращены к слушателям, ориентированы на взаимопонимание что достигается сакрализацией и совершенствованием искусства слова. Можно убить человека, но невозможно остановить свободный словесный поток. По мнению многих философов и культурологов, XXI век вполне может стать веком тюркской культуры и цивилизации, что обусловлены множеством факторов. Во-первых, в условиях глобализации особенную значимость приобретают ареалы контакта современных мировых суперцивилизаций. Тюркский мир расположен на стыке четырех цивилизаций (исламской, православной, китайской, западной), так или иначе принимает воздействия всех этих культур и сам оказывает на них существенное влияние. Во-вторых, в новых независимых тюркских государствах в связи с необходимостью возрождения культурных корней и вхождением в мировой цивилизованный сообщество рождается мощный заряд пассионарности. Да и в Республике Турция этот заряд далеко не исчерпан, идет активная работа человеческого духа. В-третьих, традиционные ценности и идеи тюркской философии (толерантность, сакральность слова, открытость, уважение к традициям и восприимчивость к инновациям, этическая ориентированность, близость к природе и экологическое сознание и т.д.) востребованы современной мировой цивилизацией. В-четвертых, для формирования пространства диалога культур и цивилизации громадное значение имеет, инициированная Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым, государственная программа «Культурное наследие», в том числе и программа возрождения философского наследия.

Трансформационные процессы, модернизация и реформирование в экономической и по-

литической сферах общества актуализировали модернизацию национального сознания и социализацию казахстанского общества. Все это создало основу для трансформации культуры суверенного Казахстана. Очевидно, что казахская культура, в силу коренных изменений базисных институтов, не может обойтись без инноваций. Однако при этом важно сохранить собственно казахский код в казахстанской культуре, сочетая его с креативным началом. Развитие казахской культуры как составной части мировой культуры невозможно представить без инноваций. Принципиально важно сохранение сути, формы, национальной идеи казахской культуры. Развитие казахской культуры в переходный период имеет как негативные, так и позитивные последствия: с одной стороны это нарушение устоявшихся традиционных культурных связей и культурного фонда (расформирование библиотек, книжных фондов, закрытие значительной части культурной инфраструктуры, утрата культурных связей с соседними государствами) на постсоветском пространстве; с другой – возможность возвращения к истокам и традициям национальной культуры и истории, замена классовых принципов и подходов на общечеловеческие и демократические социальные ориентиры и ценности.

Основные направления развития культурной политики РК предполагают гармоничное развитие казахской культуры в условиях глобализации. Мы предполагаем, что современная казахстанская культура нуждается не только в защите от вызовов и угроз глобализации, но и в необходимости создания казахстанской куль-

турной ниши в мировом культурном пространстве, определении места, роли, векторов ее влияния на мировую цивилизацию. Казахстан, как и большинство стран мира, располагает ограниченными людскими, минерально-сырьевыми и финансовыми ресурсами для реализации проекта вхождения в число наиболее развитых стран. В силу указанного обстоятельства Казахстан должен ограничить себя определенным числом проектов. Мы считаем, что культура может стать одним из важных проектов и способов вхождения в мировое цивилизованное пространство. Отличие культурных ресурсов от минерально-сырьевых заключается в том, что первые являются возобновляемыми ресурсами и не теряют стоимостной ценности на кризисных этапах. Культурные ценности не являются только объектами этнографического исследования, но и могут стать частью национального производства и пополнять ВВП страны.

Динамика и диалог традиционных культур Азии

Для лучшего понимания роли казахской культуры и определения ее места в суперцивилизациях Азии целесообразно применить сравнительный (компаративистический) метод анализа социокультурных явлений. В культуре конца XX века компаративистика выступает одним из основных способов анализа культур и цивилизации. Для наглядности приведем компаративистскую классификацию культурно-исторических типов Азии и Евразии корейскими учеными Г.А. Югай и М.Н. Пак:

Принципы диалога и синтеза культур	Типы культур
1. Устойчивый синтез, ведущий к застою культур	Тибетская культура как синтез китайской и индийской культур. Византийская культура как синтез средиземноморского Востока и Запада. Советская многонациональная культура.
2. Максимальная открытость в плане духовности и закрытость в этническом отношении. Гибкий синтез своего и усвоенного.	Японская культура синтоизма, основанная на культе богов и предков, на национальных традициях интегрировалась с мистикой дзен-буддизма и западным рационализмом в науке и технике. По количеству переводной литературы страна находится на первом месте. Японскую культуру сравнивают с актинией, напоминающей цветок. Лепестки его раскрываются, захватывая добычу, а затем закрываются, пока добыча полностью не переварится. Примерно по такому же принципу развиваются еврейская, армянская и южно-корейская культуры Их всех объединяет максимальная духовная открытость с охранением в то же время национальной самобытности в этническом отношении.
3. Излишняя открытость в ущерб своим национальным традициям в культуре	Яванско-индонезийская культура, чрезмерная прототипность которой выразилась в вытеснении буддизма, шиваизмом, исламом, западной культурой. Западное развитие, наложившись на маргинальную восточную культуру, ввергло страну в полнейший хаос.

Принципы диалога и синтеза культур	Типы культур
5. Самодостаточность великих культур Китая и Индии	Эти культуры, не встречая достойных, соперников, достигли абсолютной ассимиляции чужих культур. Об этом свидетельствует хотя бы судьба бывших китайских евреев в средневековом Китае. Некоторые из них дослужились до генералов и министров. В более поздние времена евреи в результате смешанных браков постепенно слились с более крупными китайскими этническими общностями.
6. Восток-Запад: диалог или вестернизация?	Западные культуры, оказавшие огромное влияние на всю мировую цивилизацию. Однако вестернизация мира ограничилась созданием лишь интеллектуальных и технических рамок для диалога культур. Поэтому технически и экономически могущественный Запад, особенно США, с некоторых пор импортирует духовную мистику с Востока: дзен из Японии, кришнаизм из Индии, суфизм из Ирана и т.д.
7. Убегающая от себя, стыдливая и в то же время великая и саморазрушающаяся культура и цивилизация России	В мире нет такой цельной и глубокой по своей духовности культуры, как, русская. Эти черты аккумулированы в русской идее духовности, соборности, гуманизма и ненасилия. Эта культура настолько высоконравственна и мистична, что непонятна и таинственна даже для самих русских, привыкших исторически учиться у Запада уму и разуму, не ведая при этом, что важнее сочетание ума и сердца, чем бессердечный ум, могущий натворить много бед в мире [6, с. 9-17].

Евразийская парадигма казахской культуры

Одной из идей, которая объединяла культурные и социальные процессы, происходившие на территории Казахстана, является социокультурная концепция «евразийзма». Следует отметить, что «евразийская» идея получила широкое распространение в независимом Казахстане. По этой теме защищено несколько диссертаций (Э. Сауданбекова, Р. Абрахманова, Н. Аршабеков, Н. Курманбаева и др.).

Начиная с 20-х годов нашего столетия, он (евразийский тип культуры) оживленно обсуждался крупнейшими представителями российского зарубежья, которые в срединном положении России между Европой и Азией видели определяющий момент ее духовности. Князь С. Трубецкой писал даже о туранском элементе в русской культуре и общевразийском национализме. Евразийскую идею в контексте социокультурных проблем Республики Казахстан специально рассмотрим в следующем параграфе. Вернемся к социокультурному потенциалу евразийской идеи для развития культурологических поисков в России.

Можно выделить следующие социально-политические основания идеи «евразийзма». Во-первых, данная идея возникла как осознание отличия России от Европы, в широком плане – православной цивилизации от западно-христианской. В самом западном мышлении часто Россию не относят к Европе, границы которой заканчиваются не Уральскими горами, а где-то

в районе Карпат. Например, Ф. ницше утверждал, что послепетровская Россия является громадным срединным царством, где Европа как бы возвращается в Азию. Имеются и реальные основания для таких утверждений, т.к. Европа и Азия составляют единый континент и Россия занимает его хартлент (середину). С данной точки зрения, Евразия предстает перед нами, как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечно и часто, по-видимости, противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия – Россия, развивающаяся своеобразная культуроличность. Она, как и другие многогородные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимообращении с ними, и потому осуществляют свою общечеловеческую, «историческую миссию. С этой позиции, Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожителства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии.

Основные положения социокультурной евразийской идеи ее главные представители князь Н.С. Трубецкой, П. Савицкий и Л.Н. Гумилев сводят к следующим тезисам:

– Следует преодолеть крайности, как национализма, так и космополитизма. Цивилизация

есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями – это принцип космополитизма по Н. Трубецкому. Та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов. Культурное состояние европеизированного народа находится в менее выгодных условиях, чем самочувствие природного европейца. Европеизация расчленяет этническое единство народа, который постоянно подвергается процессу маргинализации, «в народе, заимствовавшем чужую культуру различие между «отцами и детьми» будет всегда сильнее, чем у народов с однородной национальной культурой». Аккультурация народов приводит к отрыву элитарной культуры от народной, вестернизация сначала охватывает социальные верхи и городских жителей. Такой «культивированный», «цивилизованный» народ лишается сначала экономической, а потом и политической независимости, превращается в этнографический материал (сравните с современной ситуацией в странах СНГ).

– Будущее русской культуры – в новоевразийстве, представляющем гибкий синтез русской культуры с многонациональными культурами как в самой России, так и в рамках СНГ. И это не попытка реанимации СССР. Л.Н. Гумилев писал: «Этот континент (Евразия) за исторически обозримый период объединился три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли монголы из Сибири, после периода полного распада и дезинтеграции инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток, и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей Тюркского каганата и Монгольского улуса» [7, с. 5]. Л.Н. Гумилев делает очень дельное замечание некоторым культуроведам России: «Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана». Объединению Евразии традиционно противостояли: на западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на юге – мусульманский мир (с позиции российской культуры).

– С ноосферных позиций обосновывает евразийскую идею Т.В. Вернадский. С его точки зрения нет естественных границ между европейской и азиатской Россией. «Следовательно, нет двух России – «европейской» и «азиатской».

Есть только одна Россия евразийская или Россия Евразия» [8, с. 9].

Евразийская идея широко обсуждается в современной философской и иной мысли стран СНГ. Можно встретить различные позиции по данному вопросу. Националистически ориентированные деятели попытались откреститься от евразийской идеи, посчитав за оскорбление для русского народа идею единства культур «метрополии» и «иногородцев», к которым они относят тюрко-кавказские народы (например, журнал «Русский вестник», статьи Н. Гусевой). Неодобрительно были встречены этим истеблишментом книги О. Сулейменова «Аз и Я» и А. Мурата «Полынь половецкого поля». Неприятие евразийской идеи часто прикрывается утверждениями о панисламистской и пантюркской угрозе.

Прежде чем дальше углубиться в основы евразийской идеи, рассмотрим популярную сейчас теорию – учение С. Хантингтона о конфликте цивилизаций. Согласно этому учению, пограничные районы различных цивилизаций являются вероятными очагами нестабильности и конфликтов. Казахстан по своему геокультурному пространству расположен между конфуцианской и православной цивилизациями. Известно, однако, что по сравнению с некоторыми государствами СНГ, в Казахстане прочны общественно-политическая стабильность и согласие.

Это можно объяснить множеством факторов. Значительную роль среди них играет и культурный фактор. По нашему мнению, к определяющей внутренне положение в современной Республике Казахстан значительной и обширной группе относятся представители евразийского менталитета.

Российское влияние в Казахстане связано не только с проживанием в республике крупной славянской группы (по последним данным 23-26% от общей численности населения республики), но и с тем, что казахский народ долгое время находился в подданстве России. В результате существования рядом на протяжении нескольких веков, в культурной структуре казахского народа произошли некоторые изменения. Этот процесс в первую очередь коснулся языка и породил проблему русскоязычных казахов (уйгуров, узбеков, татар и т.д.). «Если говорить окончательно, решающий демографический фактор среди казахов – потеря своего родного языка под прямым воздействием языковой среды, прекратилась лишь теперь и только сейчас начинает набирать силу процесс возвращения к

своей родной речи. Несмотря на улучшение демографического положения, для того, чтобы еще больше ускорить этот процесс, нужно во всех сферах жизни (например, начиная от рождения детей, дошкольного воспитания, учебы в школе, приучения к труду до официального применения в каждой отрасли государственного языка нашей страны) оказывать ему действенную поддержку. Короче говоря, только при сочетании активной языковой политики с демографически решающими, выгодными для себя переменами она может быть плодотворной, иными словами, материнский язык можем поднять только силой отцовской (демографией)» [9, с. 91].

Конечно, демографический и языковой факторы оказывают на этнокультуру огромное влияние. Однако нельзя исключать эту большую группу из сферы национальной культуры из-за потери языка. Например, шотландцы и ирландцы не потеряли национальный менталитет, хотя и стали говорить на английском языке. Также и в нашей республике русскоязычные казахи и представители ряда других мусульманских народов не ушли далеко от национальных традиций и обычаев и религиозно-культурной сферы. К тому же вопрос не об удельном весе и процентном отношении.

Можно убедиться в том, что в культурной системе казахского народа начала XX века существуют три начала. К ним относятся исконная традиционная культура, колониальная культура и западное влияние. Евразийский культурный тип сумел сочетать традиционную культуру с достижениями западной цивилизации. Специальные исследования показывают склонность казахов к культурному диалогу. Об этом в свое время достаточно сказал и Абай. Только рассматривать «традиционалиста» как антипода прогресса, а «модернизированную личность» как антипода антипода было бы надуманным. В связи с этим вопросом приведем такую уместную мысль Главы государства: «Мы значительно оторвались от своих культурных корней. Зато больше испытали воздействие других цивилизаций. Хорошо ли это или плохо, это уже другой вопрос» [10, с. 264].

Подобные этому примеры можно привести и из мировой истории. Перед попавшими в зависимость евреями было два пути: первый – осуществление непримиримой зилотской тактики полное отрицание культуры античного Рима. Второй – бить врага его же оружием, предугадывать каждый его шаг и соответственно готовить

контрмеры. Эта тактика принесла еврейской культуре стратегическую победу. Свидетельством этому является сегодняшняя еврейская культура [11].

Схожие с этим явления можно наблюдать и в реакции России, Японии и Китая на западную экспансию. До встречи с Западом эти три страны по уровню технологии стояли намного ниже по сравнению с ним. Известно, что после реформ Петра I Россия приблизилась к западноевропейской культуре. Противников Петровских реформ – «староверов» и славянофилов можно оценить как проявления зилотского архаизма в России.

Япония и Китай ответили на давление Запада несколько иначе. После повышения уровня своей материальной культуры путем принятия передовых достижений Запада, Япония и Китай поставили заслон перед европейской духовной экспансией. Это, в частности, по сравнению с Китаем более последовательно проводилось в Японии и в результате этого она превратилась в страну с одной из передовых культур в мире. Как видим, можно по разному ответить на европейскую экспансию. Можно считать, что, несмотря на невосполнимые жертвы, казахский народ с честью вышел из этого исторического испытания. Неправильно приуменьшать здесь роль евразийского субтипа в казахской культуре.

Евразийский культурный тип относится, говоря словами Гегеля, к «разорванному сознанию», он колеблется между Западом и Востоком. Древний пример этой традиции можно увидеть в культуре Великого Шелкового Пути. Но рассматривать евразийскую культуру только как буферный регион между Западом и Востоком было бы проявлением односторонности. Потому, что здесь мы становимся свидетелями не просто взаимоотношений двух суперцивилизаций, а формирования модели их единения. В самом центре Азии произошло имеющее очень важное значение для мировой человеческой культуры событие.

Несомненно, что как в средние века в результате слияний эллинистической, арабской, персидской, тюркской культур стал возможным Ренессанс, так и в XXI веке в Центральной Азии начнется новый подъем. Только для этого необходимы непреклонная воля народа и его единство, общность традиций и времени.

Для определения менталитета евразийского культурного типа попробуем привести в таблице особенности восточного, западного и казахского мировоззрений и мировых соотношений.

Восточный тип	Западный тип	Казахский тип
Микрокосм	Макрокосм	Светлый Мир
Виртуальность	Рациональность	Человечность
Интросубъект	Субъект-объект	Субъект-субъект
Единый мир	Переменный мир	Очеловеченный мир
Психология	Технология	Экология
Мистика	Наука	Этика
Замкнутое общество	Открытое общество	Общество диалога
Самопознание	Познание природы	становление человека
Религия	Философия	Традиции
Судьба	Активность	Взаимоотношения
Идеализм	Материализм	Синкретизм
Поэзия	Проза	Эпос
Земледелие	Урбанизм	Общинность

Разумеется, будет ошибочно, в том же виде искать эти типовые признаки в эмпирике. Идеальный тип формируется не путем обобщения эмпирического проявления одной определенной предметной области, но посредством повышения значительного в этой сфере до ранга идеала. Следует учесть еще вот что: мы привели данную таблицу с целью показать возможный потенциал евразийского культурного типа. Превращение же этой возможности в действительность – диалектический процесс.

В условиях Казахстана между представителями евразийско-казахского типа и русскоязычной культуры есть много общих признаков. Но, как бы ни обоснованно и негативно расценивать Советский Союз, надо признать одно. Дружба народов стала не лживым лозунгом, а превратилась в ментальное свойство простых людей. Именно по этой причине в марте 1991 года большинство народа Казахстана проголосовало за сохранение Советского Союза. Из этого не должно вытекать, что они против обретения Казахстаном независимости. Представители европейской национальности, чувствующие себя гражданами Республики Казахстан, обладая евразийским менталитетом, могут заниматься плодотворной деятельностью в пути становления республики в ряд цивилизованных стран.

Итак, мы остановились на некоторых проблемах евразийского культурного типа. Для реализации своих возможностей евразийский культурный тип должен объединиться с казахской традиционной культурой. В противном случае в евразийской казахской культуре будут преобладать маргинальные признаки.

Вместо заключения. Пропозиции казахской культуры в Центральной Азии

Казахстан все-таки расположен в Центральной Азии, и этот фактор имеет решающее значение. Сегодня становится очевидным, что большинство государств Центральной Азии столкнулось с проблемой поиска путей развития и нуждается в нахождении эффективного и безопасного пути модернизации своих обществ. Именно поэтому изучение внутривосточной ситуации, складывающейся в соседних с Казахстаном центрально-азиатских странах, приобретает особое значение с позиции обеспечения его безопасности.

Такая постановка проблемы во многом объясняется тем, что переходные режимы стран Центральной Азии имеют ряд сходных черт, которые позволяют классифицировать их в качестве отдельного феномена как по схожести социально-экономических и политических систем, так и по состоянию обществ. Именно такое внутреннее родство государств постсоветской ЦА обуславливает схожесть закономерностей в их системном развитии, которые в совокупности образуют внутренние факторы стабильности их политических систем. Независимо от степени присутствия этих факторов в той или иной центрально-азиатской стране, сохранение политической стабильности во всем регионе Центральной Азии во многом зависит от решения проблемы его безболезненной трансформации в сторону создания у себя более устойчивых политических систем.

Исследованию внутренних факторов стабильности в регионе Центральной Азии в последние годы среди экспертного сообщества уделяется повышенное внимание. При этом основной упор делается на политические аспекты данной проблематики, и в первую очередь на устойчивость политических систем центрально-азиатских стран. Во многом это связано с произошедшими в последние годы на постсоветском пространстве событиями – т. н. «цветными революциями». Эти события по-разному оцениваются в экспертном сообществе – как в негативном, так и в позитивном контексте. Однако все оценки в основном сходятся в двух вещах.

Во-первых, с точки зрения устойчивости и стабильности политических систем главными причинами «цветных революций» в Грузии, Украине и Кыргызстане стали прежде всего просчеты правивших в них властных элит. В этом смысле можно согласиться с теми иссле-

дователями, которые склоняются к тому, что важнейшим фактором «цветных революций» в этих странах стал массовый характер недовольства (и в том числе непременно в среде элиты) правящим режимом и неадекватность последнего, т. е. неспособность упредить революцию, удовлетворив хотя бы наиболее острые потребности общества. Для противостояния назревавшему «революционным коллизиям» грузинским, украинским и кыргызским властным элитам не хватало главного – дееспособности и популярности [12].

Во-вторых, как считают многие эксперты, «цветные революции» стали «революциями несбывшихся ожиданий», и «за то немногое, что удалось, заплачена слишком дорогая цена: кризис и обманутые надежды». Последующий постреволюционный опыт показал, что, с одной стороны, свершение «цветных революций» не гарантирует реализации более демократической идеи, а с другой – «революционная ротация властей» приводит к дестабилизации стран и целых регионов. Если в Грузии и Украине такая смена власти закончилась банальным переделом собственности в пользу новых элит, то в странах Центральной Азии последствия «цветных революций» носили еще более шокирующий характер. События в Кыргызстане и Узбекистане показали, какие разрушающие действия может иметь резкая смена власти и что подобные эксперименты в странах Центральной Азии могут закончиться серьезной дестабилизацией обстановки и повлечь за собой крайне опасные последствия, что и подтвердили события в Бишкеке и Андижане [13].

Основополагающим фактором политической стабильности в странах Центральной Азии выступает национальная идеология и социальная идентификация. Дело в том, что в нынешнем социально-идеологическом развитии центрально-азиатских обществ, как представляется, скрыта одна из главных угроз для стран региона, включая южные области Казахстана. Это выражается в ряде следующих моментов.

Прежде всего необходимо заметить, что вплоть до настоящего момента *практически все центрально-азиатские общества развиваются в условиях определенного идеологического вакуума*. К сожалению, в большинстве стран Центральной Азии государство пока не смогло предложить никаких серьезных основ для развития идентификации общества. Общество, в силу неразвитости т.н. «нации-государства» и гражданского общества, не располагает какими-

либо готовыми идеологическими моделями, т.к. традиционные идеологемы в большинстве стран либо размыты, либо не прошли еще должной модификации для восприятия их в данном качестве. Очевидно, что существующий в странах региона идеологический вакуум должен быть заполнен чем-либо, и государства ищут выхода из этой ситуации, но пока серьезных путей развития и собственно идеологических концептов не предложено.

Ускорить процесс формирования национальной идеологии и национальной идентичности в странах Центральной Азии могло бы развитие идеологии «нации-государства» и гражданского общества, но они пока фактически слабо развиты или даже не существуют. В таких условиях в центрально-азиатских обществах существуют только две альтернативные идеи – исламская доктрина и этническая идея. Причем протест против власти может привести только к их быстрому оформлению.

Наряду с религиозной идеей, в нынешнем социально-идеологическом развитии центрально-азиатских стран *одной из определяющих продолжает оставаться этническая компонента*. При этом она получает быстрое развитие в первую очередь в тех государствах региона, где вплоть до момента развала бывшего СССР практически половину населения страны составляли представители т.н. некоренных этносов со всеми вытекающими отсюда последствиями. По этой причине в начале 1990-х годов в этих странах произошла быстрая консолидация представителей коренного населения вокруг идеи независимости и возрождения этнического самосознания, культуры и языка.

Данный процесс продолжается и сейчас, когда социально-идеологическое развитие центрально-азиатских обществ происходит в условиях несформированности «нации-государства». Дело в том, что этнические государства возникли в регионе только в новейшее время. Фактически процесс формирования «наций-государств» начался только в советское время, причем в наибольшей степени он проявлялся только в Казахстане. В других странах региона ситуация намного хуже. Тем не менее, сегодня в центрально-азиатских странах идет активный поиск собственной идентичности, в первую очередь с опорой на исторические традиции и наследие.

Для успешного и своевременного решения всех вышеуказанных проблем на сегодняшний день странам Центральной Азии требуется ускорить затянувшийся процесс смены парадигм

своего цивилизационного развития: от суверенизации к реализации собственной модели модернизации. При этом рыночные реформы, демократизация системы властных отношений,

строительство гражданского общества и «нации-государства» могут выступать не самоцелью, а только механизмами или способами построения такой модели.

Литература

- 1 Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Мазурь, А.Н. Чумаков. – М.-СПб. – Н.-Й.: ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006. – 421 с.
- 2 Грушевицкая Т.Г. Инкультурация и социализация
- 3 Кожа Ахмет Иасауи. Диуанихикмет. – Тегеран: ал-Хеда, 2000. – 162 с., на каз.яз
- 4 Баласагуни Ж. Кутгы билик. – Алматы: Жазушы, 1986. – 616 с., на каз.яз
- 5 Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. – Алматы: Принт, 1999. – 285 с.
- 6 Пак М.Н., Югай Г.А. Новоевразийская концепция российской цивилизации (философский аспект) // Вестник МГУ. – Серия 7 (философия). – 1993. – № 5. – С. 9-17.
- 7 Гумилев Л.Н. Из истории Евразии // Евразия. – 2001. – № 1. – С. 123-170.
- 8 Гумилев Л. В поисках вымышленного царства. – Алматы, 1992, -318 с.
- 9 Татимов М. Мир казаха. – Алматы: Жазушы, 2006. – 216 с., на каз. яз
- 10 Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Онер, 1996. – 272 с., на каз.яз
- 11 Тойнби А. Постигжение истории. – М.: Политиздат, 1989. – 736 с.
- 12 Делягин М.Г. После СНГ: одиночество России // Россия в глобальной политике. – № 2. – Июль-август. – 2005. – С. 23-32
- 13 Абросимов И. Агония «оранжевой революции» // Электронная газета «Дни.ру» – 20 сентября 2005 г. – <http://dni.ru/news/pk/2005/9/20/70148.html>. <http://vzglyad.ru/politics/2005/10/25/10847.html>.

References

- 1 Globalistika: Mejdunarodnymejdisciplinariyenciclopedicheskiyslovar / hl. Ed. I.I.Mazur, Professor AN Chumakov. Moscow-Saint Petersburg. – N.-J. : IC «Elim» ID «Peter», 2006. – 421 p.
- 2 Grushevitskaya TG Inkulturatsiya I socializaciya // www.countries.ru/library/intercult/mkis.htm
- 3 Skin AhmetAsaui. DiuaniHikmet. – Tehran: al-Heda, 2000. – 162 c., On kaz.yaz
- 4 BalasaguniKutta J. Bilik. – Almaty: Zhazushy, 1986. – 616 p., On kaz.yaz
- 5 AyazbekovaKartinamiraetnosa: Korkut Ata I filosoffiyamuzikikaakhov. – Almaty: Print, 1999. – 285 p.
- 6 Park MN, GA YugayNovoevraziyskayakoncepciyarossiyaskoicivilizacii (filosofskiyaspect) // Vestnik MGU. – Series 7 (philosophy). – 1993. – № 5. – S. 9-17.
- 7 Gumilev LN IzistoriiEurasii // Eurasia. – 2001. – № 1. – S. 123-170.
- 8 GumilevV poiskahvymyshlennogotsarstva. – Almaty, 1992 – 318 p.
- 9 Tatimov Mir Kazakha. – Almaty: Zhazushy, 2006. – 216 c., in kazakh
- 10 Nazarbaev NA V potokeistorii. – Almaty: Oner, 1996. – 272 pp., In kazakh
- 11 A. Toynbee's Postizheniistorii – M. : Politizdat, 1989. – 736 p.
- 12 Delyagin MG POsle SNG: odinochestoRossii // Rossia v globalnoipolitike. – № 2. – July-August. – 2005. – P. 23-32
- 13 I. AbrosimovAgoniya «Oranzhevoirevolyutsii» // Electronnayagazeta «Dni.ru» – September 20, 2005 – <http://dni.ru/news/pk/2005/9/20/70148.html>. <http://vzglyad.ru/politics/2005/10/25/10847.html>.